

Энтони Горовиц

ДОМ
ШЕЛКА

МОРИАТИ

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ИСТОРИИ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОРОКИ-УБИЙЦЫ»!

·thebigbook·

КНИГИ
ЭНТОНИ ГОРОВИЦА

Сороки-убийцы
Совы охотятся ночью

Дом шелка
Мориарти

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ

ДОМ
ШЕЛКА

МОРИАРТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 70

Anthony Horowitz
THE HOUSE OF SILK

Copyright © 2011 by Anthony Horowitz
First published in 2011 by Orion, London
MORIARTY

Copyright © 2014 by Anthony Horowitz
First published in 2014 by Orion, London
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Загота

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-20888-9

© М. А. Загот, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Энтони Горовиц

Три монархини

У меня никогда не возникало желания много писать о моих собственных делах, потому что я прекрасно понимаю: читающей публике я интересен лишь в связи с длительным и близким знакомством с мистером Шерлоком Холмсом, с предоставившейся мне возможностью лично наблюдать за его дедуктивной техникой. Скажу честно, мне нередко приходит в голову простая мысль: не встретиться мы по воле случая, когда я искал недорогое жильё в Лондоне, я просто следовал бы избранной профессии доктора и, вполне возможно, никогда бы не поднёс перо к бумаге.

В то же время некоторые стороны моей, если так можно выразиться, частной жизни, на этих страницах неизбежно появляются. Например, читателям известно о ранении, которое я получил в ходе решающего сражения в Майване и о том, как оно мне нередко мешало при выполнении профессиональных обязанностей. Наверное, я имел основания упомянуть моего старшего брата, Генри, который разочаровал всех, с кем соприкасался в жизни, включая себя самого, пристрастился к спиртному и умер молодым. Встречались и более светлые ноты — мой брак с мисс Мэри Морган, как её звали во время нашего знакомства, подробно описан, как минимум, в одном из рассказов, потому что мы никогда бы не встретились, не окажись она клиенткой Шерлока Холмса. Я полюбил её с первой встречи и не пытался скрыть этот факт от читателей — да и с какой стати? Вскоре мы поженились, и, хотя нашему союзу не суждено было продлиться долго, мы были очень близки, насколько могут быть близки мужчина и женщина.

Мы поселились на тихой улочке неподалёку от Паддингтонского вокзала: возможно, это не самый изысканный район Лондона, но для моего возвращения к врачебной практике очень подходящий. Дом был достойный, с большой и наполненной воздухом комнатой для консультаций на уровне улицы и ещё двумя этажами, которые моя новая жена украсила с присущими ей скромностью и вкусом. Но должен признаться: оказавшись в лоне домашнего уюта, когда всё находится на своих местах и полностью соответствует потребностям, я, тем не менее, поначалу ощущал некоторое неудобство, которое трудно поддаётся описанию. Даже служанка, аккуратная маленькая особа, кажется, взявшая себе за правило не попадаться мне на глаза, вызывала во мне смутное чувство тревоги. Это было странное чувство. Я был совершенно счастлив и в то же время что-то меня беспокоило, мне чего-то не хватало, хотя я не мог сказать, что именно.

Даже как-то неловко признаваться, что я так долго не мог выявить причину своего беспокойства. Разумеется, долгие месяцы жизни в доме 221-б на Бейкер-стрит оставили свой отпечаток. Я просто скучал по тем комнатам. Да, я часто жаловался на жуткие привычки Холмса; его нежелание выбросить хотя бы один документ, в итоге все поверхности были завалены теми или иными бумагами, его крайняя неопрятность со своими сигарами, которые он бросал в ведёрко для угля, разбросанные по столу для завтрака пробирки и фляжки, пули, разложенные рядом на подоконнике, табак, хранимый в персидском тапке. И вот теперь этих мелких раздражителей мне не хватало. Сколько раз мне приходилось засыпать под звуки холмсовской «страдивари», вставать, чую запах его первой утренней трубки? А беспорядочная череда посетителей, проложивших дорожку к нашей двери, — великий герцог из Богемии, машинистка, школьный учитель и, конечно же, издёрганый инспектор Скотленд-Ярда.

В год после моей свадьбы мы с Холмсом встречались редко. Пожалуй, я намеренно не искал этих встреч — чувствовал нутром, что мою новую жену сильно огорчит, если я буду тосковать по жизни, которая осталась в прошлом. Признаюсь, меня заботило и другое: а вдруг Холмс тоже изменит свою жизнь? Мне претила мысль о том, что Холмс возьмёт на моё место другого постояльца... его финансовое положение подобных неудобств уже не требовало, но мало ли? Я никогда не говорил об этом вслух, однако моя дорогая Мэри знала меня лучше, чем мне казалось, и как-то вечером, оторвавшись от шитья, она сказала:

— Тебе надо навестить мистера Холмса.

— Что это ты вдруг о нём вспомнила? — спросил я.

— Ты заставил! — засмеялась она. — Вижу, ты только что о нём думал. Не отрицай! Ты только что смотрел на ящик, где лежит твой служебный револьвер, расплывшись в улыбке, — явно вспомнил какое-то ваше совместное приключение.

— Дорогая, ты настоящий детектив. Холмс может тобой гордиться.

— Он, не сомневаюсь, будет счастлив тебя видеть. Навести его завтра.

Уговаривать меня не пришлось, и, приняв на следующий день нескольких пациентов, я отправился в путь, чтобы попасть на место ко времени чаепития. Лето восемьдесят девятого года выдалось особенно тёплым, и я приближался к Бейкер-стрит под безжалостными лучами солнца. Подходя к моему прежнему жилищу, я с удивлением услышал музыку и вскоре наткнулся на небольшую толпу — в центре круга танцевала и развлекала публику собачка, а её хозяин подыгрывал ей на трубе. Таких бродячих артистов в столице водилось немало, хотя этот забрался от вокзала довольно далеко. Мне даже пришлось сойти с тротуара, чтобы в итоге оказаться у знакомой двери, где меня встретил одетый по форме слуга и провёл наверх.

Шерлок Холмс томился в кресле, жалюзи полузакрыты, лоб прикрывала доходящая почти до глаз тень. Он был явно рад меня видеть — встретил так, будто ничего не изменилось, будто я никуда с Бейкер-стрит не съезжал. С лёгким сожалением я обнаружил, что он не один. Моё кресло по другую сторону камина занимал крепко сбитый вспотевший человек, в котором я тут же опознал инспектора Скотленд-Ярда Этелни Джонса, детектива, чьи неверные посылки и последующие действия стали предметом раздражения и насмешек, когда мы расследовали убийство Бартоломью Шолто в Пондишери-Лодж. Увидев меня, он подскочил со стула, намереваясь уйти, но Холмс тут же его остановил.

— Вы выбрали самое подходящее время для визита, мой дорогой Ватсон, — сказал он. — Не сомневаюсь, что нашего друга инспектора Джонса вы хорошо помните. Он пришёл за несколько минут до вас и как раз собирался проконсультироваться со мной по исключительно деликатному делу, как он меня заверил.

— Я очень рад, что пришлось обратиться к вам снова, если, конечно, это уместно, — сказал Джонс с лёгким колебанием в голосе.

— Вполне уместно. Признаюсь, что мне всё труднее воодушевиться без дружбы и совета моего собственного биографа. Взять, к примеру, убийство Трепова или странное поведение доктора Мура Агара... Дважды разгадать загадку мне помог исключительно его величество случай. Доктор Ватсон, вы готовы выслушать рассказ инспектора Джонса?

— Совершенно готов.

— Тогда вперёд.

Но не успел Джонс начать, как открылась дверь, и в комнату энергичной походкой вошла миссис Хадсон, она несла поднос с чаем, лепёшками, маслом на блюде и зернистой булочкой. Видимо, слуга сказал ей о моём приходе, потому что она добавила третью чашку, но Холмс, оглядев содержимое подноса, пришёл к совершенно иному выводу.

— Вижу, миссис Хадсон, вам не удалось устоять перед чарами уличного артиста, который решил устроить концерт прямо перед нашей дверью.

— Ваша правда, мистер Холмс, — ответила эта добрая душа, слегка покраснев. — Я услышала музыку и поглядела на него через слуховое окно. Хотела было всех прогнать, но собачка такая забавная, а публика такая добродушная, что я передумала. — Она сдвинула брови. — Но как вы увязали содержимое подноса с уличным артистом — ума не приложу.

— Неважно. — Холмс засмеялся. — Чай по виду заварен прекрасно, и, как видите, насладиться им пришёл наш добрый друг Ватсон.

— Как я рада вас видеть, доктор Ватсон. Вас тут очень не хватает.

Я подождал, пока миссис Хадсон уйдёт, и обратился к своему другу.

— Простите, Холмс, — сказал я, — но я тоже не вижу, как вы сделали ваш вывод, имея в своём распоряжении лишь блюдо с лепёшками и зернистой булочкой.

— Они здесь ни при чём, — ответил Холмс. — Всё определила петрушка, которую миссис Хадсон положила поверх кусочка масла.

— Петрушка?

— Миссис Хадсон положила её минуту назад. А масло достала из кладовой раньше, оно лежало на солнце. Погода тёплая, и оно немного подтаяло.

Я взглянул на поднос. Холмс был прав.

— Петрушка не утонула в масле, значит, миссис Хадсон отвлеклась от своих дел совсем недавно. Кроме прибытия двух гостей, отвлечь её могла только музыка и аплодисменты зрителей.

— Поразительно! — воскликнул Джонс.

— Элементарно, — возразил Холмс. — Моя работа во многом строится как раз на таких наблюдениях. Но нас ждёт нечто более серьёзное. Пожалуйста, инспектор, расскажите, что вас сюда привело? А вы, Ватсон, не сообразовали ли тем временем налить нам чаю?

Я с удовольствием взялся за поручение, а Этелни Джонс начал свой рассказ, который я здесь и привожу.

— Сегодня рано утром меня вызвали в дом на Хэмурт-Хилл, в Северном Лондоне. Там произошёл несчастный случай со смертельным исходом, не убийство. Об этом мне было сказано с самого начала. Дом принадлежит пожилой паре, мистеру и миссис Абернетти, они бездетны и живут там вдвоём. Ночью их разбудил треск, словно ломали дерево. Они спустились вниз и увидели молодого человека, одетого в тёмное, он рылся в их вещах. Это был взломщик. В этом нет сомнений, потому что вскоре я узнал — он забрался ещё в два дома по соседству. Увидев в дверях Гарольда Абернетти в халате, незваный гость кинулся на него и, вполне возможно, причинил бы ему немалый вред. Но Абернетти прихватил с собой револьвер, который всегда держал под рукой как раз на такой случай. Он сделал один выстрел и убил молодого человека на месте.

Всё это мне рассказал сам мистер Абернетти. Это пожилой, с виду совершенно безвредный человек. Его жена, на несколько лет его моложе, сидела в кресле и всё время, что я провёл в их доме, всхлипывала. Я узнал, что дом достался им в наследство от прежнего владельца, некоей миссис Матильды Бриггс. Она передала им дом совершенно бесплатно, в знак благодарности за многолетнюю службу. Они живут там последние шесть лет, живут тихо, без каких-то происшествий. Они отошли от дел, регулярно посещают местную церковь. Более достойную пару трудно себе представить.

О хозяевах достаточно. Теперь о жертве. Лет ему было около тридцати. Лицо бледного оттенка, глаза глубоко посажены. Одет в костюм и кожаные туфли, заляпанные грязью. К ним я проявил особый интерес, потому что за два дня до взлома шёл дождь, и, заглянув в садик Абернетти — у них была небольшая лужайка за домом, — я быстро обнаружил следы покойного. Видимо, преступник обошёл дом сзади и проник внутрь через заднюю дверь. Нашёлся и ломик, которым он орудовал. Он лежал в сумке, которую взломщик принёс с собой, туда же он сложил награбленное.

— И что же молодой человек украл у этой пожилой и безвредной пары? — любопытно спросил Холмс.

— Мистер Холмс, вы попали в десятку! Именно по этой причине я здесь.

Джонс вытащил складную сумку, принадлежавшую, надо понимать, убитому. Он открыл её и неторопливо, не стремясь к театральному эффекту, достал три фарфоровые фигурки и поставил перед нами. Это были одинаковые, аляповатые и вульгарные статуэтки, изображавшие нашу монархиню, королеву Викторию, императрицу Индии. Каждая фигурка была около девяти дюймов в высоту и ярко раскрашена. Королева в торжественном платье, на голове небольшая корона с бриллиантами, кружевная вуаль и орденская лента на груди. Холмс внимательно изучил фигурки, повертел в руках.

— Сувениры к пятидесятилетию пребывания на троне, — пробурчал он. — Можно купить в любом лондонском магазине, большой ценности не представляют. Фигурки — из трёх разных домов. Первая принадлежит семье, где царят хаос и беспорядок, как минимум с одним маленьким ребёнком. Вторая — собственность художника либо ювелира, который был на юбилейных торжествах вместе с женой. Третья, видимо, стояла у самих Абернетти.

— Вы совершенно правы, мистер Холмс, — воскликнул Джонс. — Абернетти живут в доме шесть, последнем в короткой шеренге домов. Я провёл расследование и выяснил, что взломщик побывал той ночью ещё у двух соседей, это Данстейблы в доме пять и миссис Вебстер в доме один. Миссис Вебстер — вдова, муж её был часовщиком, а у Данстейблов действительно двое

маленьких детей. Сейчас эта семья в отъезде. А три фигурки — одинаковые. Как вы всё это вывели?

— Нет ничего проще, — ответил Холмс. — Первую фигурку давно не вытирали, на ней маленькие и липкие отпечатки пальцев, наверняка принадлежат ребёнку, который нашу монархиню использовал как игрушку. Вторая фигурка была сломана, но потом её кто-то искусно починил, скорее всего владелец, и он взялся за такую задачу только потому, что день юбилея имел для него особое значение. Весьма вероятно, что на торжествах он был с женой, теперь вдовой. Вы хотите сказать, инспектор, что больше не было украдено ничего?

— Именно поэтому я здесь, мистер Холмс. Попав в дом на Хэмуорт-Хилл, я думал, что предстоит расследовать обычную кражу со взломом, правда, закончившуюся трагически. Вместо этого я натыкаюсь на какую-то невразумительную тайну. С какой стати молодому человеку рисковать свободой и в итоге лишиться жизни ради трёх статуэток, которые, как вы верно заметили, можно купить за несколько шиллингов в любом квартале Лондона? Меня очень интересует ответ на этот вопрос, и, вспомнив о нашем с вами знакомстве, я взял на себя смелость прийти сюда в надежде на вашу помощь.

Холмс погрузился в молчание — интересно, что же он ответит сотруднику Скотленд-Ярда? Холмс — натура переменчивая, какое-нибудь скучное с виду дело вполне может его раззадорить, а загадка, скажем, достойная пера самого Эдгара По, оставит совершенно равнодушным, и он останется томно лежать в своём кресле. Наконец он заговорил.

— История в своём роде любопытная, — начал он. — В то же время мне кажется, что о преступлении речи нет. Абернетти просто защищал себя и свою жену, и, судя по всему, ему противостоял доведённый до отчаяния опасный бандит. Где, кстати, его тело?

— Отвезли в морг при больнице Святого Томаса.

— Это обидно. Наверняка по дороге вы потеряли много улик. Есть ещё один вопрос, инспектор Джонс. Были ли трое соседей — Абернетти, Данстейблы и миссис Вебстер — хорошо знакомы?

— Да, мистер Холмс, судя по всему, их связывают самые дружеские отношения. Хотя, как я уже объяснил, поговорить с мистером Данстейблом мне не удалось. Он работает на бирже, и сейчас его нет.

— Ничего другого я и не ожидал.

— Значит ли это, что коль скоро дело вам интересно, вы готовы помочь мне в расследовании?

Холмс снова умолк, лишь бросил взгляд в сторону подноса, а в глазах мелькнула так хорошо знакомая мне искринка.

— Хэмуорт-Хилл отсюда недалеко, но отправляться на поиски в такую непогоду у меня нет ни малейшего желания, — начал он. — Я бы предпочёл оставить это дело в ваших надёжных руках, инспектор. Однако остаётся открытым вопрос петрушки на масле, он сам по себе незначителен, но к нашему делу отношение имеет. — Я решил, что это он так подшучивает над незадачливым посетителем, но всё в облике Холмса говорило о его серьёзности. — Вашим делом я займусь. Сегодня уже поздно, давайте встретимся завтра, скажем, в десять утра?

— В Хэмуорт-Хилл?

— В морге. А вас, Ватсон, раз уж вы оказались в курсе дела, я прошу составить нам компанию. Настоятельно прошу. Ваша практика, уверен, на несколько часов обойдётся без вас.

— Разве я могу вам отказать, Холмс? — спросил я, хотя на самом деле сгорал от любопытства. Три монархини всё ещё стояли передо мной, и мне страшно хотелось проникнуть в их тайну.

На следующее утро мы встретились в застывшем, выложенном белым кафелем морге, где нам предъявили тело невезучего взломщика. Внешне он полностью соответствовал описанию, которое мы услышали от инспектора Джонса. Пуля вошла чуть выше сердца, и можно было не сомневаться — смерть наступила мгновенно. Но эти соображения Холмсу были явно не интересны — он едва взглянул на рану, потом повернулся к инспектору, который молча ждал, подперев рукой подбородок.

— Хотелось бы знать, какие выводы вы сделали, глядя на это тело, — спросил Холмс.

— Я ведь уже всё сказал, — ответил Джонс. — Он молод, лет тридцати. С виду англичанин...

— Это всё?

— Видимо, да. Я упустил что-то важное?

— Только то, что недавно он вышел из тюрьмы. Думаю, несколько дней тому назад. Он отсидел большой срок. Перед смертью пил херес. Вот здесь пятно крови. А это — не кровь. Чрезвычайно любопытно.

— Откуда вы знаете, что он был в тюрьме?

— Мне казалось, что вы и сами сообразите. Вы наверняка видели людей с выбеленной кожей — такая бывает, когда ты на долгое время лишён солнечного света. Он коротко острижен, а что за волокна у него под ногтями? Я уловил запах древесной смолы. Он наверняка щипал паклю. Туфли новые, но совершенно не по моде. Может быть, их сняли с него при аресте и вернули перед выходом из тюрьмы? Ха! Левый носок приспущен. Это чрезвычайно важно.

— Что тут важного?

— Вы невнимательно смотрите, мой дорогой инспектор Джонс. Отбрасываете то, что для вашего расследования как будто не важно, но забываете, что выявить истину помогают самые незначительные мелочи. Здесь нам больше делать нечего. Едем в Хэмурт-Хилл.

По дороге в Северный Лондон инспектор Джонс хранил суровое молчание. Наконец мы остановились у тихой улочки, на которой шеренгой располагались шесть домов, все похожие друг на друга, выстроенные в классическом стиле — кирпич и белая штукатурка, вход чуть отстоит от дороги, переднюю дверь обрамляют две колонны. Абернетти жили на краю этого маленького квартала, как и сказал Джонс, и я сразу увидел, что их дом переживает упадок и молит о ремонте — краска на фасаде облупилась, штукатурка растрескалась, окна потускнели.

— Не кажется ли вам странным, Ватсон, — заметил Холмс, — что взломщик остановил свой выбор на таком доме?

— Именно об этом я и подумал. Невооружённым глазом видно, что жильцы — люди небогатые.

— Не забывайте, что дело было ночью, — буркнул Джонс. Он стоял, прислонившись к коляске, пунцовый, будто повторная поездка сюда стоила ему немалых усилий и изрядно его утомила. — Это приличная улица в фешенебельном районе, и, вполне возможно, под покровом темноты дом выглядел не менее привлекательно, чем его соседи. Мало того, ведь взломщик кроме дома шесть побывал ещё в домах один и пять.

— Помню, вы сказали, что в доме один живёт миссис Вебстер. Давайте с неё и начнём.

— Не с Абернетти?

— Встречу с четой Абернетти мы оставим на десерт.

Итак, мы направили стопы к дому пожилой вдовы, Корделии Вебстер. Эта невысокая женщина крепкого помола встретила нас довольно бурно и излучала энергию с первой минуты, пока открывала нам дверь и приглашала в свою уютную гостиную. Было ясно, что после смерти мужа она ведёт уединённый образ жизни, и кража со взломом, а тем более смерть по соседству для неё — заметное развлечение.

— Я сначала и не поверила, что у меня что-то пропало, — объяснила она. — Ночью ничего не слышала, а когда наутро пришёл полицейский, думаю, это он что-то перепутал.

— Задняя дверь была распахнута, — внёс ясность Джонс. — А во дворе я увидел следы, те же самые, что у Абернетти.

— Я сразу решила, что он позарился на мои украшения, — продолжала миссис Вебстер. — У меня в спальне маленький сейф. Но всё оказалось на месте. Только и пропала, что статуэтка королевы Виктории, она стояла на фортепиано.

— Не сомневаюсь, что для вас она представляла ценность.

— Вы правы, мистер Холмс. В день юбилея королевы мы с мужем отправились в собор Святого Павла и видели праздничную процессию с участием Её Величества. Она — пример для всех нас! Мне легче нести бремя моей потери, когда я думаю, что боль вдовства я делю с королевой.

— Ваш муж скончался недавно?

— В прошлом году. Туберкулёз. Скажу вам, что миссис Абернетти проявила ко мне неслыханную доброту. После похорон она не оставляла меня ни на минуту. Я была совершенно потеряна — можете себе представить, — и она ухаживала за мной. Готовила. Сидела со мной. Откликалась на все мои просьбы. Хотя она и её муж точно так же проявили себя по отношению к пожилой миссис Бриггс. Таких заботливых людей ещё надо поискать.

— Насколько я знаю, миссис Бриггс — ваша прежняя соседка?

— Да. Наняла Абернетти именно она. Миссис Абернетти была у неё сиделкой, а мистер Абернетти выполнял все обязанности по дому. Так они здесь и поселились. Мы с миссис Бриггс дружили, и она мне не раз говорила, как этой чете благодарна. Богатой Матильда Бриггс не была. Муж её работал в городском магистрате, заместителем помощника судьи. Он умер в восемьдесят три или восемьдесят четыре года, оставив её совершенно одну.

— Детей не было?

— Своих нет. У сестры был сын, погиб в Афганистане. Он был солдатом.

— Сколько ему было лет?

— Когда умер — не больше двадцати. Я никогда его не видела, а бедная Матильда, когда о нём вспоминала, страшно расстраивалась. Мальчик был единственным родственником, но она даже его фото держала подальше от своих глаз. Оказалось, что на исходе жизни у неё нет никого, кому можно оставить дом, вот она и передала его Абернетти — отблагодарить за долгую службу. Щедрый дар, что говорить.

— Вас это удивило?

— Вовсе нет. Она мне говорила, что Абернетти с ней это обсудили, и ясно дала понять — таково её решение. Оставшиеся деньги она передала нашей церкви, а дом завещала им.

— Вы нам очень помогли, миссис Вебстер, многое прояснили, — поблагодарил Холмс. Он протянул руку, и Джонс дал ему фигурку, которую захватил с собой. — Кстати, вы уверены, что эта — ваша? Они ведь совершенно одинаковые.

— Уверена, конечно. Сомнений нет. Я её как-то уронила, когда уборку делала, она здорово разбилась. Мой муж как следует потрудился, пока её собирал и склеивал — знал, как я её люблю.

— Он мог купить вам новую.

— Нет, это было бы не то. А так он для меня постарался.

Оставалось осмотреть заднюю дверь, через которую проник взломщик, что мы и сделали. Джонс показал нам следы ног на клумбе, которые всё ещё были хорошо видны. Холмс осмотрел их, потом переключил внимание на вскрытый замок.

— Наверное, было много шума, — предположил он и повернулся к миссис Вебстер, которая стояла рядом и жаждала ответить на любые дальнейшие вопросы. — Вы совсем ничего не слышали?

— Вообще-то сплю я крепко, — призналась дама. — Иногда принимаю настойку опия, а пару месяцев назад миссис Абернетти посоветовала мне подушки, набитые верблюжьим волосом. Оказалось — действует. С тех пор сплю, как сурок.

Мы распрощались и прошли к дальнему из группки домов, пройдя мимо дома Данстейблов, которых всё ещё не было.

— Жаль, что не получится с ними поговорить, — сказал я Холмсу.

— Едва ли им есть что нам сказать, Ватсон, как, подозреваю, и Абернетти. Впрочем, посмотрим. Вот и входная дверь... не мешало бы пройтись свежей краской. Вообще, весь дом явно запущен. Впрочем, он достался им в наследство, щедрый подарок, ничего не скажешь. Позвоните в звонок, Ватсон? Ага, кажется, кто-то идёт.

Дверь открыл Гарольд Абернетти — высокий, неторопливый, сутулый, морщинистый, седовласый. С виду лет шестидесяти, в моём мозгу, признаюсь честно, возник образ гробовщика. Выражение лица, безусловно, было траурным, а сюртук — тусклым и потёртым.

— Инспектор Джонс! — воскликнул он, узнав нашего спутника. — Есть новости? Рад вас видеть. А кто эти господа?

— Это мистер Шерлок Холмс, известный детектив, — представил Джонс. — И его спутник, доктор Ватсон.

— Мистер Холмс! Конечно, я о вас слышал. Откровенно говоря, сэр, я удивлён, что вы проявили интерес к такому пустяковому делу.

— Смерть человека — не пустяк, — возразил Холмс.

— Разумеется, я имел в виду кражу статуэток. Да, сморозил глупость. Прошу вас, заходите.

Дом по размерам совпадал с домом миссис Вебстер, но был какой-то неприветливый, унылый. Он был обитаем, но оставлял впечатление заброшенного. Миссис Абернетти ждала нас в

гостиной. Очень маленькая, почти утопавшая в кресле, она то и дело подносила к глазам платок и всё ещё не пришла в себя от потрясения.

— Жуткая история, мистер Холмс, — заговорил Абернетти. — Я уже всё рассказал инспектору, но, разумеется, готов всячески вам помочь.

— Это я во всём виновата, — вступила миссис Абернетти со всхлипом. — Гарольд застрелил этого молодого человека из-за меня.

— Меня разбудила жена, — продолжал Абернетти. — Услышала, что кто-то ломает дверь и послала меня вниз посмотреть. Я прихватил револьвер, хотя стрелять у меня и в мыслях не было. Но пришелец увидел меня и кинулся на меня... и даже тогда я не понимал, что делаю. Я нажал на курок и увидел, как он упал, только успел подумать — хоть бы я его ранил, но не лишил жизни.

— Что вы сделали, когда он упал?

— Поспешил к жене, успокоить, мол я цел и невредим. Потом оделся. Хотел было найти полицейского, но тут заметил сумку, которую молодой человек принёс с собой... Я, конечно, понял, что это улика и трогать её не надо, но я просто заглянул внутрь. Ну и увидел три фарфоровые фигурки, одну возле другой. Одна наша, я сразу её узнал. Я купил её для жены на память о золотом юбилее, и увидел, что на обычном месте на буфете её нет. Можете себе представить, как я был поражён, найдя ещё две точно такие же, но потом вспомнил: одну видел в гостиной у миссис Вебстер.

— Она стояла на фортепиано, — вставила миссис Абернетти.

— Я понял, что, возможно, ограбили не только нас, так оно и оказалось, когда инспектор Джонс начал своё расследование.

— Мой муж не виноват. Ничего плохого он не сделал. Ни в кого стрелять он не собирался.

— Не тревожьтесь, миссис Абернетти, — успокоил её Холмс. — Я уже говорил с вашей соседкой, миссис Вебстер. Она о вас очень высокого мнения.

— Она хороший человек, — сказал Абернетти. — Никак не оправится после смерти мужа в августе. Все мы не молодеем. Так что уход неизбежен.

— Она рассказала нам о Матильде Бриггс.

Абернетти кивнул.

— Значит, вы знаете, как многим мы ей обязаны. Мы работали у миссис Бриггс много лет. Эмилия, — он повернулся к жене, — выхаживала её во время долгой болезни, и из благодарности, при том, что семьи у неё не было, она оставила нам этот дом в своём завещании.

— Я понял, что у неё был племянник.

— Да, старшина 92-го Хайлендского полка. Погиб в битве у Кандагара на юге Афганистана.

— Наверное, это был для неё тяжёлый удар.

— Конечно, она была опечалена. Но близости между ними никогда не было.

— А остальные деньги?

— Передала местной церкви, в помощь беднякам, — пояснила миссис Абернетти. — Миссис Бриггс была человеком глубоко религиозным, состояла в нескольких обществах: «Королевском обществе матерей-благотворительниц», «Обществе воздержания», «Обществе по спасению молодых женщин» и многих других.

Холмс кивнул и поднялся, давая понять, что вопросов больше нет. Это показалось мне странным, к тому же он не стал осматривать заднюю дверь и садик... Впрочем, он ведь сразу сказал, что много от этой встречи не ждёт. Но, уходя, он всё-таки повернулся к пожилой паре.

— Последний вопрос, — обратился он к ним. — Где ваши соседи, биржевой клерк и его семейство?

— В Торки, — ответила миссис Абернетти. — Навещают матушку мистера Данстейбла.

Холмс улыбнулся.

— Миссис Абернетти, вы сказали мне ровно то, что я хотел услышать, именно этого ответа я от вас и ждал. Желаю вам всего наилучшего, счастливо оставаться.

Мы пошли вниз по холму в полном молчании, но вскоре сотрудник Скотленд-Ярда не выдержал, видимо, сдали нервы.

— Вы разгадали эту загадку, мистер Холмс? — выпалил он. — Три статуэтки, не представляющие никакой ценности, похищены из трёх соседних домов. Какова цель такой кражи?

По-моему, вы задали те же вопросы, что задавал и я, увидели всё то же, что я уже принял к сведению. Боюсь, я только отнял у вас время, позвав сюда.

— Вовсе нет, инспектор Джонс. Мне нужно кое-что уточнить, но в целом дело представляется ясным. Загляните ко мне завтра с утра на Бейкер-стрит? Десять часов вас устроит?

— Обязательно буду.

— Тогда на время расстанемся. Уотсон, прогуляемся до станции? Тут такой свежий воздух. Всех благ, инспектор Джонс. Случай, действительно, необычный, спасибо, что привлекли к нему моё внимание.

Больше Холмс ничего не сказал, и Джонс вернулся к ожидавшей его коляске, совершенно сбитый с толку. Сам я тоже чувствовал себя достаточно глупо, но прекрасно знал: задавать вопросы раньше времени не надо. Значит, придётся дать своим пациентам передышку третий день подряд — разве можно пропустить разгадку такой изящной головоломки, какую представляли собой три монархини?

Наутро ровно в десять часов я вернулся на Бейкер-стрит и столкнулся в дверях с инспектором Джонсом. Мы вместе поднялись по ступеням, и нас в своём халате встретил Холмс, как раз доевший завтрак.

— Итак, инспектор Джонс, — начал он, завидев нас, — нам известно имя покойного. Это Майкл Сноуден. Три дня назад он был освобождён из Пентонвильской тюрьмы.

— За что он сидел?

— Шантаж, избиение, грабёж... боюсь, что жизнь мистера Сноудена была столь же беспутной, сколь и короткой. По крайней мере, до убийства он не дошёл. И на том спасибо.

— Но зачем такого человека принесло в Хэмуорт-Хилл?

— Он пришёл забрать то, что принадлежало ему на законных основаниях.

— Три фарфоровые фигурки?

Холмс улыбнулся, раскурил трубку, выбросил спичку в корзину для мусора.

— Он пришёл, чтобы потребовать дом, который ему оставила его тётушка, миссис Бриггс.

— Вы хотите сказать, что это был её племянник? Но, мистер Холмс, откуда вы это можете знать? — воскликнул инспектор.

— Мне не нужно этого знать, инспектор Джонс. Есть дедукция. Когда все улики указывают в одном направлении, можно с уверенностью сказать — истина здесь. Майкл Сноуден никогда не был солдатом, соответственно, он не погиб в Афганистане. Это стало мне ясно из того, что нам рассказала миссис Вебстер. А сказала она следующее: Матильда Бриггс была настолько опечалена смертью племянника, что даже не держала в доме его фотографию. Но я ни на секунду в это не поверил. Если бы он погиб на службе в армии, если бы он отдал жизнь за свою страну, она бы поступила ровно наоборот. Она бы гордилась его памятью, хранила бы её. А вот если у женщины, которая ходит в церковь, состоит в обществе воздержания, племянник негодяй и преступник...

— Она сделает вид, что он погиб в бою! — воскликнул я.

— Как солдат, где-то далеко. Именно, Уотсон! Но держать его фото поблизости она не будет.

— Но ведь она отписала дом Абернетти, — не сдавался Джонс.

— Это они так говорят. Опять-таки, миссис Вебстер — замечательный, кстати говоря, свидетель, с удивительным чутьём на детали, — сказала одну занятную вещь. Абернетти обсуждали завещание со своей хозяйкой, миссис Бриггс. Не наоборот! Я сразу понял, что могло произойти. Пожилая больная женщина, совершенно одна, в полной зависимости от коварного слуги и его жены, которая к тому же является её сиделкой — и эта парочка уговаривает её переписать завещание в свою пользу! Им нужен дом, и они его забирают, а племянник остаётся с носом.

Но у этой дамы есть совесть. В последнюю минуту она меняет решение и пишет племяннику письмо, рассказывает ему, что случилось и выражает желание, чтобы наследником всё-таки стал он. Кстати, я разговаривал с начальником тюрьмы, и он подтвердил: несколько месяцев назад Сноуден действительно получил письмо. Как гласит пословица, кровь не вода, родственные чувства возобладали, и тётушка поверила, что даже сейчас племянник ещё способен встать на праведный путь. Но что может предпринять Майкл Сноуден? Он всё ещё в тюрьме, отбывает длительный срок. Но как только его освободили, он приходит в дом тётки и предстаёт перед двумя вымогателями.

— И они его убивают!

Мне вдруг открылась вся картина.

— Уверен, они пытались с ним как-то договориться. Налили ему стакан хереса, но когда он начал буйнить и наверняка стал им угрожать, мистер Абернетти достал револьвер и застрелил его. Сноуден уронил стакан с хересом и забрызгал жидкостью рубашку, хотя пятно почти целиком поглотила его собственная кровь.

Джонс выслушал эту тираду в состоянии, близком к отчаянию, которое очевидным образом отразилось на его лице.

— Теперь всё становится на свои места, мистер Холмс, — признал он. — Но всё равно не представляю, как вы до этого додумались.

— На помощь пришли три монархини. Мистеру Абернетти требовалась причина, по которой он застрелил молодого человека, якобы совершенно ему не знакомого. Что может быть проще — сказать, что это взломщик. Но зачем взломщику забираться в дом, который чахнет и явно не содержит ничего ценного? Надо было что-то придумать.

Решение оказалось воистину гениальным. Надо ограбить ещё два дома по соседству, причём таким образом, что у полиции не будет никаких сомнений — мотивом преступления является именно кража. Почему мистер Абернетти выбрал дома номер один и номер пять? Он знал, что Данстейблы уехали в Торки... это нам сказала сама миссис Абернетти. Знал он и то, что миссис Вебстер со своим опиумом и подушками из верблюжьего волоса спит крепко и едва ли что-то услышит и проснётся.

— Но почему три статуэтки?

— Ему не из чего было выбирать. В его собственном доме красть нечего, а вскрыть сейф миссис Вебстер он просто не мог. Зато он знал, что во всех трёх домах стоят одинаковые юбилейные фигурки-сувениры, и возникла возможность прекрасного отвлекающего маневра. Если помните, моя домохозяйка, миссис Хадсон позабыла о чае, потому что её внимание отвлекла танцующая собачка — тот же принцип сработал и здесь. Мистер Абернетти правильно предположил: вас настолько озадачат эти совершенно безобидные предметы, что даже не возникнет вопроса о подлинности самой кражи. Но ему не повезло — в этом конкретном случае вы решили обратиться ко мне.

— А следы ног он оставил намеренно?

— Да. Я ещё подумал: что это у нас за взломщик такой, который ясно даёт понять, как он проник в дом? Конечно, мистер Абернетти надел обувь Майкла Сноудена и прошёлся в них по клумбам соседей. Но, стаскивая их с убитого, он случайно зацепил носок, и тот чуть спустился. Я обратил на это внимание в морге.

— Мистер Холмс... у меня просто нет слов. — Джонс поднялся, как мне показалось, с некоторым усилием, видимо, у него что-то было с ногой, я заметил это ещё в Хэмурт-Хилл. — Простите меня, но я вас оставлю, — сказал он. — Я должен произвести арест.

— Два ареста, инспектор. Миссис Абернетти — очевидная соучастница преступления.

— Согласен. — Напоследок Джонс ещё раз внимательно посмотрел на Холмса. — Ваши методы необычайны, — произнёс он. — Я должен их перенять. Просто обязан. Я столько проморгал, столько не увидел. Такое больше не повторится.

Вскоре я узнал, что Этелни Джонс серьёзно заболел и ушёл из полиции. По мнению Холмса, на него самым роковым образом повлияла эта немыслимая история с Абернетти, поэтому из уважения к этому бедолаге я решил свой рассказ не публиковать, а поместить вместе с другими бумагами в хранилище компании «Кокс» на Чаринг-Кросс и сохранить, таким образом, его тайну, как если бы он был моим пациентом. Пусть этот рассказ напечатают когда-нибудь в грядущие времена, когда описанные в нём события забудутся, и репутация детектива при его жизни останется незапятнанной.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ ШЕЛКА	
Новые приключения Шерлока Холмса. <i>Роман</i>	5
МОРИАРТИ. <i>Роман</i>	267
ТРИ МОНАРХИНИ. <i>Рассказ</i>	521

Горовиц Э.

Г 70 Дом шелка. Мориарти : романы, рассказ / Энтони Горовиц ; пер. с англ. М. Загота. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20888-9

В литературном и кинематографическом мире нет более популярного героя, чем Шерлок Холмс. Это имя стало сенсацией в 1890-х благодаря публикациям в журнале «Стрэнд», тиражи которого сразу выросли на треть. По числу экранизаций история о детективе с Бейкер-стрит попала в Книгу рекордов Гиннесса. О количестве литературных пастишей и говорить нечего, но официальное одобрение Фонда наследия Конан Дойла получил только Энтони Горовиц за свой роман «Дом шелка».

В карьере великого сыщика было дело, связанное с такими чудовищными и скандальными событиями, что написать о нем Ватсон, неизменный рассказчик увлекательнейших историй о своем гениальном друге, решился не скоро. Он тщательно упаковал эти записки, отправил на хранение в надежное место и завещал открыть пакет не ранее чем через сто лет, потому что спрятанная в нем тайна под названием «Дом шелка» угрожала подорвать все устои общества...

Спустя три года после выхода «Дома шелка» Энтони Горовиц вернулся в мир великого сыщика.

После того как профессор Мориарти исчез в бурных водах Рейхенбахского водопада, в преступном мире образовалась «вакансия». Среди многочисленных претендентов на это место возникает поистине зловещая фигура. Детективному агенту из Нью-Йорка и инспектору Скотленд-Ярда — преданному поклоннику Шерлока Холмса — предстоит проложить путь через самые темные уголки столицы Англии, от эlegantных площадей Мейфэра до причалов и закоулков лондонских доков, в погоне за тем, кто решительно заявляет о своих правах в качестве преемника Мориарти...

Список расследований Холмса продолжает рассказ «Три монархии», в котором повествование снова ведется от лица доктора Ватсона.

Итак, игра начинается...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
ДОМ ШЕЛКА
МОРИАРТИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.03.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-29883-01-R